

И. Р. ПЕРЕВЫШИНА

(Белгородский государственный  
национальный исследовательский университет)

**СУФФИКСЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ  
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В СИСТЕМЕ  
НЕМЕЦКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ  
(контрастивный, переводоведческий  
и лингвокультурологический аспекты)**

Русский и немецкий языки, являясь индоевропейскими языками, обладают целым рядом сходных черт на разных уровнях, в том числе и на словообразовательном. Сходство данных языков наблюдается в общности некоторых особенностей словообразовательной структуры лексических единиц (например, структурная однотипность основ слова), в наличии одинаковых способов словообразования (например, словосложение, аффиксация, субстантивация, адъективация), в наличии некоторых общих тенденций развития словообразовательных систем обоих языков (например, значительный рост словарного состава путем аббревиации, продуктивность словосложения, адъективация причастий) [Перевышина 2012: 291]. В русском языке имеется широко развитая, дифференцированная система суффиксов субъективной оценки «для образования качественных прилагательных с особой, эмоционально-экспрессивной окраской и выражением отношения говорящего к предмету, качеству, признаку. Суффиксы субъективной оценки придают словам различные оттенки (ласкательные, сочувствия, пренебрежения, презрения, уничижения, иронии, также реального уменьшения или увеличения): *добренький, сладенький, лёгонький, плохонький, смирёхонький, большущий, хитрющий, высоченный, темноватый, рыжеватый*» [Розенталь, Теленкова 1985: 102]. В немецком языке полностью отсутствуют суффиксы субъективной оценки в системе имени прилагательного, за исключением одного из множества значений суффикса *-lich*. В словаре словообразовательных элементов немецкого языка, вышедшего в 1979 г., суффикс прилагательного *-lich* характеризуется как продуктивный, частотный, но только восьмое значение этого суффикса указывает на элементы субъективной оценки, а именно на значение ослабления признака (*bläßlich* — ‘бледноватый’, *rötlich* — ‘красноватый’) [Зуев, Молчанова, Мурясов 1979: 282].

«Оценку можно рассматривать как один из видов модальностей, которые накладываются на дескриптивное содержание языкового выражения. Высказывания, включающие оценку или другие модальности, содержат дескриптивную компоненту и недескриптивную, т. е. модальную, компоненту, причем первая описывает одно или несколько из возможных положений дел, а вторая высказывает нечто по их поводу» [Вольф 200: 11]. Тексты с эмоциональной доминантой (художественный текст или лирическое стихотворение) отличаются от информативных тем, что в понимании их смысла немалую роль играет субъективный фактор. Он непрерывно связан с выражением позиции автора, иначе говоря, субъективной модальностью. По мнению Анны Вежбицкой, «эмоциональная температура текста» [1997: 54—55] у русских весьма высока, гораздо выше, чем у английского текста, и выше, чем в текстах других славянских языков. Оценочный характер текста создается обилием эмоциональных и экспрессивных средств, в том числе значительным количеством прилагательных с суффиксами субъективной оценки, которые в русских художественных текстах имеют достаточно высокую коммуникативно-функциональную весомость, следовательно, их роль в создании коммуникативного эффекта, образности, определенного стилистического рисунка также высока, поэтому важна актуализация значений суффиксов субъективной оценки в переводе.

Поскольку языковая система русского языка характеризуется большим количеством суффиксов субъективной оценки прилагательных, а в языковой системе немецкого языка суффиксы субъективной оценки представляют собой лакуны, безэквивалентные номинации, ключевым вопросом для сопоставительного языкознания, переводоведения и лингвокультурологии является вопрос о переводимости и непереводимости. Рассматривая вопросы, связанные с актуализацией значений при переводе русских суффиксов субъективной оценки на немецкий язык, сопоставительное языкознание оперирует такими понятиями, как лингвистические универсалии и уникалии, план выражения и план содержания; для теории перевода релевантными являются переводческие технологии: перевод с помощью эквивалентов и функциональных эквивалентов/ адекватных замен, способы и приемы перевода безэквивалентных номинаций; для лингвокультурологии важным является рассмотрение текста перевода «с точки зрения теории лакун, понимать которую следует широко: если в пределах текста лакуна — это некоторый фрагмент текста, в котором имеется нечто непонятное, то с позиции какого-либо языка иноязычный текст в целом также представляет собой лакуну, которую требуется заполнить лингвокультурными средствами» [Сорокин, Морковина 1998: 77].

Проблема переводимости и непереводимости является одной из старейших теоретических проблем. С периода античности и вплоть до первого десятилетия XIX в. в лингвистике и филологии господ-

ствовала идея универсализма. Это обусловлено тем, что лингвистическое учение, зародившись в Греции, было затем воспринято Римом, а после падения Рима — учеными новых европейских государств и со временем стало восприниматься как эталон, как идеал лингвистической науки. Греко-римская классификация частей речи, членов предложения, порядка слов, парадигм, склонения и спряжения и т. д., лингвистическая терминология были восприняты учеными европейских государств и некритически перенесены на почву новых языков — без учета их специфики и черт отличия от древних классических языков: лингвисты все явления европейских языков «подгоняли» под греческие или римские образцы. Так родилась концепция общности всех языков Европы и мира — отмечалась общность как мыслительных процессов, так и языков, как понятийно-философской, так и лингвистической картины мира (универсума), а вследствие этого возникло стремление создать единую логику и единую грамматику для всех языков. Однако чем больше сопоставлялись языки в поисках всеобщего, универсального, единого, тем больше черт различия обнаруживали ученые, тем четче осознавалась необходимость изучать наряду с чертами общности, универсальности также черты идиоэтничности, национального своеобразия, что в свою очередь требовало изучения своеобразных черт быта, истории, культуры, нравов, обычаев, менталитета (склада мыслей и чувств) соответствующего народа.

Отцами теории непереводимости принято считать немецких филологов XIX в. В. Гумбольдта, А. Шлегеля и философа XVIII в. Г. В. Лейбница, в России аналогичных воззрений придерживался А. А. Потебня. Суть этой концепции такова: употребляя даже самые простые и вроде бы общеупотребительные слова, люди разных национальностей имеют различные представления об обозначаемом явлении.

Проблема непереводимости в разные эпохи решалась по-разному. Так, Лео Вайсгербер в книге «Родной язык и формирование духа» [2004] пишет, что любая попытка выйти за узкий круг родственных нам языков показывает, насколько другие языки отличаются от них содержательно, а это, естественно, говорит о том, что носители языков различных языковых систем думают по-разному. При этом даже переводчики близких друг другу языков отмечают, что перевод без искажений самой передаваемой мысли невозможен. Каждый человек словно «врастает» в родной язык, он вынужден усваивать его способ понимания мира явлений и национального духа, и, таким образом, все члены языкового сообщества перерабатывают переживаемое ими сообразно с внутренней формой их родного языка и мыслят и действуют соответственно. Лео Вайсгербер подчеркивает, что тот, кто занимается переводом на иностранные языки, неминуемо сталкивается с фактом понятийного несовпадения слов различных языков. Во многом идеи Вайсгербера восходят к релятивистской

концепции В. Гумбольдта. Именно В. Гумбольдт [1859] выдвинул известный тезис о том, что язык народа есть его дух. Согласно Гумбольдту, каждый язык уникален с точки зрения зафиксированной в нем картины мира, а значит, и способ мышления каждого народа уникален. Основной вывод компаративистов XIX в.: каждый язык универсален по своему содержанию, но идиоэтничен (национален) по своей форме. Иногда преувеличиваются черты идиоэтнического, делающие взаимопонимание народов сомнительным или даже невозможным (так, В. Гумбольдт утверждал наличие национальной картины мира у каждого народа, которая, по его мнению, формируется на основании изучения родного языка, который в виде лингвистической картины мира «задает» человеку видение мира, его оценку, менталитет). Некоторые продолжатели концепции В. Гумбольдта утрируют субъективно-философские мысли учителя, так, например, концепция культурологической и лингвистической (семантической) относительности Сепира и Уорфа. Следуя логике вышесказанного, можно резюмировать, что при таком понимании природы языка не может быть и речи о полноценном переводе.

Несколько по-иному проблему переводимости и непереводимости трактует гипотеза неопределенности перевода, выдвинутая американским логиком и философом Уиллардом Куайном в монографии «Слово и объект» [2000]. В самом общем виде теорию Куайна можно свести к тому, что любой перевод является принципиально неопределенным. По Куайну, мы не можем добиться успеха, отдавая предпочтение какому-либо одному варианту перевода. Неопределенность перевода — это вопрос о том, сколько синонимических вариаций может быть для перевода того или иного явления. «Традиционная характеристика синонимов как выражений, имеющих одинаковое значение, действительно неопределенна. При рассмотрении явления синонимии Куайн и его сторонники фактически требуют формально строгих критериев для синонимии и идентификации. Однако проблема синонимии не только языковая (семантическая), но прежде всего гносеологическая, и она связана с творческим характером мышления, полифункциональностью естественного языка и его эволюцией» [Сомсонов 1979: 21]. По сути, гипотеза Куайна не направлена на доказательство невозможности перевода, она лишь отрицает возможность тождественного перевода точно так же, как и другие разновидности теории релятивизма.

Концепция «универсализм» утверждает наличие общего, универсального в каждом языке, что отвергает тезис о непереводимости. Языковые универсалии — свойства, присущие человеческому языку в целом (а не отдельным языкам или языкам отдельных семей, регионов и т. д.). Возможность выявить универсальные свойства языка — существенная предпосылка большинства современных теорий языка, в том числе и теории перевода. Весьма показательна в этом отношении трансформационная модель перевода, в основу которой положе-

ны идеи трансформационной грамматики: мысль о том, что в основе любого языка лежит ограниченное множество простейших синтаксических типов предложений — ядерных структур / глубинных структур, и что различные языки гораздо больше похожи друг на друга в отношении простейших конструкций, чем в отношении сложных.

В XX в. в лингвистике все более отчетливо намечается тенденция к вскрытию и описанию понятийных универсалий, находящих выражение в речи, то есть стремление вскрыть, обосновать и увязать с выразительными возможностями конкретных языков такие универсальные абстракции, которые являются отражением в психике и в речевой практике человека объективных, наиболее существенных и частотных проявлений объективной действительности. А. В. Бондарко называет такие категории функционально-семантическими категориями. Б. М. Балин определяет языковые понятийные категории как «интердисциплинарные абстракции высокого порядка, высокочастотные и универсальные в плане мыслительно-речевого функционирования, возникающие и существующие как результат отражения психики фундаментальных проявлений и отношений объективной действительности. Эти абстракции передаются в разных языках в системе речи, но разным набором средств в зависимости от особенностей системы конкретного языка» [Балин 1972: 24].

Сопоставление оригинальных текстов и их переводов показывает отсутствие полного изоморфизма между планом выражения и планом содержания при переводе русских суффиксов субъективной оценки на немецкий язык. Для каждого народа характерны специфические условия материальной жизни, культуры, общественного устройства, то есть каждый народ обращает внимание на разные стороны действительности, действительность часто по-разному отражается в понятиях различными народами. Поэтому естественно, что и понятия, создаваемые при познании этой конкретной исторической действительности, не могут быть однозначными, тождественными, «межъязыковая эквивалентность единиц исчезает сразу же, как только мы опускаемся ниже ранга предложения» [Хэллидей 1978: 44]. При сопоставлении исходного языка (ИЯ) и переводящего языка (ПЯ) в основном наблюдается несовпадение семантических систем и составляющих эти системы единиц разных языков. Конкретное распределение элементарных единиц смысла (сем или семантических компонентов) по отдельным словам, словосочетаниям, предложениям данного текста, как правило, не совпадает в текстах ИЯ и ПЯ. Но данное обстоятельство, равно как и отсутствие в ПЯ соответствующих эквивалентов, например, при переводе таких безэквивалентных номинаций, как русские прилагательные с суффиксами субъективной оценки, не означает, что понятия, выражаемые в ИЯ, не могут быть воспроизведены в ПЯ. Реальная действительность, окружающая разные языковые коллективы, едина для носителей языков, поэтому значения в ПЯ могут быть выражены системой разноуров-

невых средств, что не нарушает принципа коммуникативно-функциональной эквивалентности текстов ИЯ и ПЯ. Для актуализации значений русских суффиксов субъективной оценки прилагательных в немецких переводах часто вводятся различные адвербиальные уточнители: *простоват* — *etwas naïv*; *молоденькая, худенькая* — *ganz jung, ganz schlank und schwächig*, кроме того, актуализации значений в тексте на ПЯ, выражаемых в ИЯ суффиксами субъективной оценки, способствуют самые различные трансформации:

*Но что такое г. Бенковский? Можно спросить? — О нем можно! — Он — черненький, сладенький, тихонький* [Горький 1955: 404—405].

*Aber wer ist denn dieser Herr Benkowsky? Darf man das fragen? — Das dürfen Sie. Es ist ein schwarzes, süßes, stilles Herrchen* [Gorki 1902: 52].

*Впереди отмахивал крупный, грудастый* [Шукшин 1983: 120].

*Voran rannte ein großer Wolf mit kräftiger Brust* [Schuckschin 1981: 224].

*Высокий сутуловатый мужчина* [Шолохов 1981, 10].

*Der Mann, dessen hohe Gestalt leicht vorgebeugt war* [Scholochow 1965: 7].

Для сопоставительного языкознания, как было отмечено выше, при анализе примеров обращается внимание на то, что план выражения и план содержания не совпадают, но значение русских суффиксов субъективной оценки прилагательных актуализируется.

С точки зрения переводоведения в вышеприведенных примерах произошли следующие преобразования: пример (1) иллюстрирует нам морфологическую трансформацию, т. е. замену прилагательных с суффиксами субъективной оценки на существительное: *черненький, сладенький, тихонький* — *ein schwarzes, süßes, stilles Herrchen*; описательный перевод представлен в примере (2): *крупный, грудастый* — *mit kräftiger Brust*; пример (3) демонстрирует синтаксическую трансформацию, простое предложение заменяется сложноподчиненным с придаточным определительным.

Действительно, с помощью функциональных эквивалентов в результате адекватной замены возможно воспроизведение информации текста исходного языка. Но будет ли эта информация полной, без потерь? Как влияет потеря стилистической информации на восприятие переведенного произведения в целом? Рассмотрим пример перевода русских суффиксов субъективной оценки прилагательных из романа Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы»

«*Это был невысокий сгорбленный человек с очень слабыми ногами, всего только шестидесяти пяти лет, но казавшийся от болезни гораздо старше, по крайней мере, лет на десять. Все лицо его, впрочем, очень сухенькое, было усеяно мелкими морщинками, особенно было много их около глаз. Глаза же были небольшие, из светлых, быстрые и блестящие, вроде как бы две блестящие точки. Седенькие волосики сохранились лишь на висках, борода была крошечная и реденькая, клином, а губы, часто усмехавшиеся, — тоненькие, как две бечебочки. Нос не то чтобы длинный, а востренький, точно у птички*» [Достоевский 2007: 23].

«*Er war ein kleiner, gebeugter Mann auf sehr schwachen Beinen, zwar erst fünfundzwanzig Jahre alt, doch infolge seiner Kränklichkeit mindestens zehn Jahre älter wirkend. Sein mageres Gesicht war übersät mit kleinen Runzeln, besonders um die Augen. Die Augen waren nicht groß, aber hell, sehr beweglich und glänzend wie leuchtende Punkte. Das graue Haar hatte sich nur an den Schläfen erhalten; das spitze Bärtchen war klein und dünn, die Lippen, die öfters zu lächeln pflegten, waren schmal, wie zwei Schnürchen, Die Nase war nicht sehr lang, dafür spitz, wie der Schnabel eines Vögels*» [Dostoevskij 2003: 37].

Оценка в вышеприведенном примере является основным компонентом смысла текста, эмоциональной доминантой текста. В отрывке как бы сгущаются экспрессивно-окрашенные формы имен прилагательных: *сухонький, седенький, реденький, тоненький, востренький* — словно сама жизнь, душа медленно уходит из старца, и прежний облик теряет форму, краски, характерные черты. В переводе, на наш взгляд, происходит простая констатация при описании внешности старца.

Теория перевода, сопоставительное языкознание и лингвокультурология по-разному рассматривают проблему переводимости и непереводимости. Если теория перевода и сопоставительное языкознание решают «ее в пользу переводимости, но с оговорками и комментариями, касающимися трудностей перевода и допущения частичной эквивалентности» [Павлова, Светозарова 2012: 109], и описывают набор способов и приемов по достижению функциональной эквивалентности, то лингвокультурология рассматривает проблему переводимости иначе. А. В. Павлова, Н. Д. Светозарова пишут: «Как непереводимые рассматриваются некоторые лексемы и отдельные грамматические явления, которые в практике перевода обычно успешно переводятся и для переводчиков особых сложностей не представляют. Если поверить гипотезе лингвистической относительности, то придется признать, что русские в описанных ситуациях иначе осмысливают и членят действительность, чем немцы. Носители разных языков осмысливают действительность принципиально одинаково, а выражают свою мысль по-разному, следуя правилам и нормам своих языков. Если различать мышление и культуру и включать в понятие “культура” в том числе языковую норму и речевой узус, то выражение субъективной оценки в русском и немецком языках по-разному вполне объяснимо» [Там же].

### Литература

- Балин 1972 — Балин Б. М. Функционально-семантическая категория, языковая понятийная категория // Вопросы грамматики и стилистики немецкого языка. Калинин, 1972. С. 24—40.
- Вайсгербер 2004 — Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / Пер. с нем. О. А. Радченко. 2-е изд., испр. и доп. М.: Едиториал УРСС, 2004.

- Вежбицкая 1997 — *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. М., 1997.
- Вольф 2002 — *Вольф Е. М.* Функциональная семантика. М., 2002.
- Гумбольдт 1859 — *Гумбольдт В. фон.* О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное различие человеческого рода: Учебное пособие по теории языка и словесности в военно-учебных заведениях / Пер. с нем. П. Билярского. СПб.: Императорская Академия наук, 1859.
- Зуев, Молчанова, Мурысов 1979 — *Зуев А. Н., Молчанова И. Д., Мурысов Р. З. и др.* Словарь словообразовательных элементов немецкого языка. М.: Рус. яз., 1979.
- Куайн 2000 — *Куайн У. В. О.* Слово и объект / Пер. с англ. А. З. Ченяк, Г. А. Дмитриев. М.: Логос, Праксис, 2000.
- Павлова, Светозарова 2012 — *Павлова. А. В., Светозарова Н. Д.* Трудности и возможности русско-немецкого и немецко-русского перевода: справочник. СПб.: Антология, 2012.
- Перевышина 2012 — *Перевышина И. Р.* Контрастивное описание словосложений немецкого и русского языков и перевод окказиональных композитообразований // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. Т. 9. М.: Языки славянской культуры, 2012. С. 291—298.
- Розенталь, Теленкова 1985 — *Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.* Словарь лингвистических терминов. М.: Просвещение, 1985.
- Сомсонов 1979 — *Сомсонов В. Ф.* К анализу гипотезы Куайна о неопределенности перевода // Тетради переводчика. Вып. 16. М., 1979. С. 21—29.
- Сорокин, Морковина 1998 — *Сорокин Ю. А., Морковина И. Ю.* Культура и ее этнопсихолингвистическая ценность // Этнопсихолингвистика. М.: Наука, 1998.
- Хэллидей 1978 — *Хэллидей М. А. К.* Сопоставление языков // Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике. М.: Международные отношения, 1978. С. 42—54.

### Источники

- Горький 1955 — *Горький М.* Собр. соч.: В 30 т. М., 1955. Т. 29.
- Достоевский 2007 — *Достоевский Ф. М.* Братья Карамазовы. М.: Пушкинский Дом, 2007.
- Шолохов 1981 — *Шолохов М.* Рассказы. Судьба человека. М.: Советская Россия, 1981.
- Шукшин 1983 — *Шукшин В.* Рассказы. Л.: Лениздат, 1983.
- Gorki 1902 — *Gorki M.* Deutsch von Elissawetinskaja, Ausgewählte Werke. Bd. 4. Lpz., 1902.
- Dostoewskij 2003 — *Dostoewskij F.* Die Brüder Karamasow / Пер. с русск. Swetlana Geier. Zürich: Ammann Verlag, 2003.



Scholochow 1965 — *Scholochow M.* Deutsch von Kopylov, Neuland unterem Pflug. M.: Progress, 1965.

Schuckschin 1981 — *Schuckschin W.* Null null Kopeken. Erzählungen. Leipzig: Verlag Philipp Reclam, 1981.

#### ZUSAMMENFASSUNG

### **Deutsche und russische adjektivische Suffixe der subjektiven Einschätzung (im sicht der kontrastiven Linguistik, Übersetzungslehre und kulturbezogenen Sprachwissenschaft)**

Kontrastive Erkenntnisse in der Wortbildung der deutschen und der russischen Gegenwartssprache zeigen, dass für die russische Wortbildung die Suffixe der subjektiven Einschätzung typisch sind. Im System der deutschen Sprache fehlen diese Suffixe, d.h. dass sie Lakune oder äquivalenzlose Nominationen darstellen. Die potentiellen Möglichkeiten der wortbildenden Modelle im Deutschen und im Russischen sind verschieden. Diese Tatsache bereitet viele Schwierigkeiten beim Übersetzen. Sehr oft müssen Lexeme mit den Suffixen der subjektiven Einschätzung der Ausgangssprache durch verschiedene Sprachmöglichkeiten in der Zielsprache wiedergegeben werden oder überhaupt nicht wiedergegeben werden. Die Theorie der Übersetzbarkeit und Nichtübersetzbarkeit wird in der Übersetzungslehre, in der kontrastiven Linguistik und in der Sprach- und Kulturwissenschaft verschieden in Betracht gezogen.